

Леонид Завадовский

В тайге

1

Петча на седьмом небе. Отец ушел на пристань на свою баржу.

В крепких черках, в отцовском старом пиджаке, с длинным ружьем за плечами Петча выступает на охоту. У пояса висит роговая натруска, на груди стеклянный пузырек с пистонами, за пазухой пасма пакли для пыжей и прочистки ствола.

Первый день весенней охоты. Земля обнажилась от снега, ноги мягко и легко ступают по прошлогодней траве. На паскотине ходит пегий гривастый мерин и коровы. Соскучившись по воле, они торопливо щиплют мелкую траву, избегая длинной ржавой осоки.

За деревней начинается болото. Вода выступила поверх льда, затопила кочки. Нет прохода к плесам, где любят садиться прилетные утки. Совсем близко, в полуверсте заманчиво стоит серый лес. По низу уже пушится желтый оживший краснотал. За лесом, за дымкой низин, волнуясь плавным взмахом линий, начинаются хребты. Самый близкий четко вычерчивается своей

зубчатой, как у рыбы, спиной, далекие тонут в воздухе, отступая и слабея. Самые дальние кажутся легкими голубыми облаками.

По синему яркому небу над озерами тянут утки, делают круг. Петча, не спуская с них глаз, падает в траву и замирает. Налетев на него, утки, словно подхваченные встречным ветром, испуганно взмахивают вверх. Их белые продолговатые брюшки сверкают на солнце.

Другая стая, низко протянув над озером, садится за кустами.

Без шороха, медленными движениями Петча продвигается вперед. Но уже кто-то скрадывает его угол. В высокой траве виднеются две шапки. Они то поднимутся, то исчезнут. Не хочется уступить угол, — он ползет следом за шапками.

Зорко шарят глаза по прогалинам меж кочек. Сначала ничего нельзя разобрать от напряжения. Кажется уткой маленькая кочка, а может быть и утку принимает за кочку. Переведя дыхание, охотник успокаивается и ясно видит матерых селезней. Плавно колыхаясь, они двигаются, как кораблики, от времени до времени ныряя головой в воду.

Мальчик осторожно поднимает ружье и ждет, когда они сплывутся вместе или построятся в линию, чтобы одним зарядом достать трех или четырех. Длинное дуло терпеливо следит за

птицами, а охотник насмешливыми глазами поглядывает в кусты, разостланные по спуску, где лежат Санча и Гринча. Они молча тянут друг у друга ружье; спор идет-кому стрелять. Три матёрых утки сплылись возле кочки, оживленно ныряют и чавкают. Петча нажимает курок. Сухой щелчок разбитого пистона. Осечка. Но следом раздаётся оглушительный удар. В плечо злобно толкает, кажется, что в руках нет ружья, а заряд унесло куда-то вверх, вместе с дымом. С всплеском поднимаются утки с разных сторон, со свистом несутся общей стаей и скрываются за лесом.

— Убил! — кричит Гринча.

— Строил! — восторженно восклицает Санча. — Три повернулись! — Но лицо Санчи темнеет сейчас же. Он враждебно оглядывает Петчу.

— Зачем стрелил? Наши утки! Мы их скрадывали!

— Вы их метили? Ждать они будут, пока вы драться будете!

— Заряд большой, видно, положил, — с завистью глядя на уток, говорит Гринча, — не капнулись!

— В плечо дернуло. Лони еще с осени заряд в ружье. Думал разорвало!

Лица ребят оживленно сверкают. Они спорят, кому принадлежат утки и как их достать. Петча

решает:

— Шестом, иначе нельзя!

Притащив три длинных палки, навязывают одну на другую с них же содранным лыком.

Пустив вперед палку с крючковатым суком, сгоняют уток в кучку и тянут к берегу. Долго рассматривают крепкое, как мех, оперенье, глядят синие ошейники селезней, веером расправляют крылья.

— Вот этот с одной дробинки пропал...

Петча задумчиво берет селезня поменьше, подает Санче.

— На тебе, паря...

Жаль добычи, но он знает, что поступил неправильно, убив уток, которых скрадывали другие стрелки. На Гринчу он старается не глядеть, — отдавать еще одну утку не хочется. Да у них и ружье одно. Но, увидев растерянное лицо Гринчи, не выдерживает, поднимает за крыло серую самочку.

На, уж! Только это я так... И ружья-то у тебя нет!

— А зато с моим порохом Санча ходит. И дробь моя!

Ребята выходят из кустов, располагаются на сухом пригорке.

— Эх, теперь у Красного Яра уток людно бьется, — говорит Санча, глядя на небо и жмурясь

от яркого блеска.

— Скраду надо делать, — солидно отзывается Петча, — топор надо брать, провианту, харч...

Глаза ребят задумчиво устремляются вдаль. Через широкий распадок, через перелески, в голубой дали виднеется Красный Яр.

— До него в лодке по забереге плыть надо. Без лодки не попасть. Ручьи поднялись. Яриха идет в реку, разлилась, поди, на 100 саженой.

Петча морщит брови, соображает. Помимо охоты, соблазняет путешествие по реке, еще скованной льдом.

— Узнают-не пустят, — робко шепчет Гринча.

— А ты Расскажи тятке с мамкой! — презрительно бросает Санча.

— Лодка у нас есть. Стружек маленький. На троих. Только он на угоре лежит, — торопится сообщить Гринча, — и весло есть, только в амбаре заперто на замок.

— Весло у меня есть, велика штука! — говорит Санча и вдруг вскакивает с травы. — Смотрите, утки сели опять. Крохали и вострохвостые!

— Пускай сидят. У Яра их больше. Ехать, так ехать! Ты, Гринча, поедешь?

— Коль возьмете...

— Возьмем! Только с уговором. Пороху у

отца возьми коробок. Дроби кулечек. Шаньги у вас пшеничные всегда пекут-тоже возьми побольше. Штук десять. У вас всего много. Понял?

— Я топор возьму, весло и спички, — возбужденно кричит Санча. — Топор новый, острый!

— Я котелок возьму. Более мне нечего, — солидно заканчивает Петча. — Соли еще возьму и ружье.

Санчу неудержимо, как магнитом, тянет к кустам, за которыми сели утки.

— Уток не видал. Подожди, сговоримся!

— Вы со мной к стружку не ходите, — лукаво бегая глазами, говорит Гринча, — я один его угоню за деревню. Ждите поутру.

— Молодец, буржуй! Смотри, без пороха лучше не являйся!

— Только недолго будем ездить. А то тятка бить будет!

— К вечеру вернемся, — подмигнув Санче, говорит Петча.

Гринча, озабоченный предстоящей работой со стругом, удаляется.

Заговорщики, оставшись вдвоем, составляют план похода, потом рассматривают ружья друг у друга.

— Тяжолое твое, однако? — взвешивая на руке Петчину турку, говорит Санча.

— Десять фунтов, в аккурат! Капсюль смялся, новый надо.

Санча с завистью рассматривает ружье, перевязанное проволокой; серебряная красивая насечка украшает щёки и ствол.

— Дай я заряджу своим порохом, попробую, — просит Санча, но, видя каменное лицо товарища, добавляет: — поди сто лет ему!

— У поселенца тятка купил. Ссылные тут были, — с гордостью говорит Петча. — Против царя они шли...

2

Лед огромной реки выпучился белым сухим полем. Темным извивом убегает берег в утреннюю даль. Зеленой шелковой лентой лежит вода, сбежавшая к краям, где зимний, вросший в землю лед крепко держится за берег. Ночью был мороз; прошлогодня трава серебрится инеем. Солнце пригревает лицо.

А Гринчи, буржуя, все не видать, — начинает беспокоиться Петча, — либо отец увидал, как он струг ташил! А как паче мачеха узнает, на цепь привяжет, язви ее!

— Он и без мачехи в штаны напустит... — презрительно отзывается Санча.

Возле ребят, притаившихся за кустом серого

тальника у часовни, лежат весло, ружья, топор, котелок и две сумки.

— А если лед поломает? — приходит в голову Петче.

— Не может этого быть! Воды мало совсем, — торопится рассеять сомнения шустрый Санча. — Неделю простоит. Только вчера лед подняло. — Он вдруг вскакивает. — Плывет. Гринча, шестом пихается!

Из-за поворота показывается острый нос струга; появляется Гринча, пригнувшийся под тальником. Хватаясь за ветви, он пристаёт к берегу. С испуганным лицом шепчет:

— Никто не видал. Тятка на паскотину коней повел. Мамка коров погнала. Всё привез! — указывает он на мешок.

— Айда, ребята, а то увидят — окоротят!

Ребята бросаются в лодку. Она, как щепка, дрожит, колеблется, чуть не черпает бортами. На берегу жалобно скулит Полкан, просится в лодку. Его долго не могут усадить, наконец трогаются.

Сверкая мокрыми лопастями, движется стружек меж крутым берегом и белым льдом. В пути встречаются пенистые ручьи, стремительно несущие мутные воды в реку. Они далеко размыли и поломали матёрый лед. Он всплыл бесформенными огромными кусками, обсосанными водой. В небе курлычат журавли, длинными

острыми косяками режут голубое пространство. Гусиный караван, вдруг изломав полет, волнуется, гогочет, дробится и снижается, но по сигналу вожака, вдруг строится в колонну и тонет в синеве.

— Хотели жировать опуститься, — замечает Петча, внимательно наблюдая небо.

— А видал, как они меняются местами? — говорит Санча. — Передний взад становится, а какой вторым летел, вперед идет. Передним, выходит, тяжелее лететь. Он воздух, а тоже твердый. Клином берут, как в дерево.

Гринча сидит, ухватившись за борта. Глаза его то испуганно косятся на шумные волны ручьев, то восторженно поднимаются к небу.

— И сколько этой птицы на свете! — шепчет он.

Красный Яр придвигается, становится близким. На его вершине отчетливо виднеется шершавая щётка-лес. По отвесной темноржавой стене, поднятой из реки, падают ручьи, сверкая темными серебряными нитями.

— Версты четыре осталось!

— Ну-ка, ссади меня, — вдруг шепчет Санча, втянув голову в плечи, — стой, не греби! Лебеди...

— Где? — застывают Петча с Гринчей.

По направлению протянутой руки устремляются три пары загоревшихся глаз. На водяной ленте, в тени крутого темного берега

виднеются два лебедя. Они вытянули длинные шеи и расплываются в стороны, повернувшись друг к другу легким пышным задом.

— Как снег, белые, — шепчет Гринча.

— Ссади меня на берег! — хватаясь за ружье, умоляет Санча.

— Лебедя нельзя стрелять — грех, — просит Гринча, — они святые. Коли одного убьешь, другой вознесется под самое небо, сложит крылья и грохнется о землю грудью.

Петча смеется, Санча шепчет:

— Всякая птица одинаковая: не грешная, не святая. Чаль к берегу, Петча!

Но уже встревоженные белые птицы, размахнув широкие крылья, с шумом бороздят тихую заберегу. Медленно отделившись от воды, они несутся над рекой, взмывают над Яром и тонут в сверкающем небе.

Встревоженные путешественниками, небольшие стаи уток поднимаются из-за кустов. Возбужденный Петча гребет быстрее, рассыпая брызги. Близкий берег с кустами несется мимо. Скоро Санча кричит:

— Приехали! Вот зимовье на берегу! Ночевать можно!

— До Яра еще версту ехать!

Зачем нам Яр? Тут самый бой уток. Чаль!

Ребята тащат стружек со всем своим

имуществом к зимовью. В избушке сыро и холодно, словно в леднике. Располагаются наружи. Петча стружит топором сухое полено для костра, Санча городит таганец из двух рогаток, Гринча тащит в чайнике воду.

После чая, оставив Гринчу у лодки, охотники идут на озера.

Робкий мальчик сидит у огня, прислушивается к странным звукам на реке. Пестрый молодой пес смотрит на хозяина, ожидая хлеба. В тишине мальчику кажется, будто кто-то живой плавает подо льдом, задевает спиной, бьется, ухает и вздыхает. Когда надоедает сидеть и слушать, он занимается наблюдением. Ставит колышек у самой воды, не спуская глаз, следит, как зубчатое широкое лезвие ползет по отлогому берегу, оставляя колышек позади. В нем шевелится тревога, он озирается по сторонам на пустынные берега. С озер доносится далекий выстрел, через долгий промежуток — другой. Солнце опускается за близкий Яр. Темная и холодная тень накрывает зимовье. Ярким живым цветком расцветает огонь в тени. Полкан ставит уши. Возвращаются охотники.

— Если бы близко доставать уток из озера, я бы их набил там! Так и садятся на плес, — бросая пару уток, рассказывает Петча. — Сядут, не знаешь в каких стрелять!

— Свяязи, — говорит повеселевший Гринча,

рассматривая красноголовых уток.

— Ты бы со мной пошел! — восторженно кричит Санча, — сижу жду, когда прилетят, а их в кочках — насыпано. Смотрю — выплывают. Впереди гоголь белоухий, а за ним матеруха. И счет потерял. Нацелил в пятую, думал пяток возьму. Обнизил здорово. Трех только зацепил, а из-за кочек, из-за кустов как полетят! Уши затыкай от рева. Вода закипела ключом!

Дружно натаскав сухих дров, ребята греются и сушатся у огня. В котелке варится утка.

После ужина устраивают ночлег. Ставят стружек на борт, подпирают кольями. Около лодки задерживается теплый воздух. На мягкой сухой осоке приятно лежать, закинув под голову руки, и глядеть на небо.

Тихий прозрачный вечер. На озерах начинается возня, всплески и крики уток. Они ждали этого хрустального вечера, чтобы начать свои игры. То тут, то там, словно обезумев, издавая хриплые вопли, мечутся кряквы, с таинственным всхлипыванием и хрюканьем несутся над костром связи. С нежным беспокойным говором блуждают чирки, словно ищут кого-то во тьме.

На зеленом небе зажигается звезда, но заря не хочет уходить. Она прячется за черные хребты и медленной поступью, как далекое зарево, движется по небу.

— Два часа темноты только будет, — говорит Петча, ворочаясь, — и не успеешь заснуть!

— Тише, подожди! — шепчет Санча, насторожившись, повернув голову к реке. — Вода шибко бежит подо льдом. К ночи всегда прибывает сверху!

Петча идет к воде. Вернувшись, говорит:

— Завтра ехать в деревню надо. Шибко подаёт воду. Как бы не взломало!

Глаза Санчи оживленно блестят от огня.

— Тогда по льдинам пойдём!

Уже напуганный, Гринча не сводит с реки глаз. Он боится ее.

— А если берегом итти?

— Чудак, берегом разве пройдешь! Видал речки да ручьи-то как поднялись? До самых краев, как суп в котелке. Не бойся, ничего не будет! Набьем уток по заре и пойдём!

Утомленные ребята скоро засыпают. Гринча не может заснуть. Долго смотрит на высыпавшие звезды и слушает реку. Ему мерещится, что вот-вот взломается лед, отрежет путь в деревню, где отец, наверное, уже ищет его.

Потихоньку поднимается, идет к берегу, вздыхая сидит на корточках у самой воды, которая неуклонно вершок за вершком съедает берег. Колышек его давно покрыт таинственной шепчущей рекой.

Петчу и Санчу будит испуганный громкий крик. Открыв глаза, они видят догоревший костер. Спросонок не поймут, что случилось. Гринча стоит над ними, размахивает руками:

— Реку ломает... Тронулась... Валом вода поднялась!

И, словно в подтверждение его слов, слышатся отдаленные тревожные раскаты.

Протирая глаза, вздрагивая, мальчики переглядываются. Волны низких рокочущих звуков накатываются из тьмы, разрастаясь в подобие грома, и замирают где-то вдали. Грохот, рождённый у самых ног, потрясает воздух. С замирающими сердцами ребята следят, как он мчится во тьму.

— Сломало возле нас! — упавшим голосом говорит Петча.

Зараженный тревогой в людях и непонятными жуткими звуками на реке. Полкан поднимает морду и воет в сторону деревни. Санча бросает в него камень:

— Цыть, упадь, проклятая! Цыть!

От самого зимовья, словно сползшего к воде, узкой черной бороздой убегает трещина. А там далеко, в темной яме, пляшут отраженные звезды. Оттуда слышатся звуки. Влекомые течением, льдины, под могучей броней реки, гремят и

рокочут, вырвавшись на волю, в трещине хлещут волнами о края. Из шумных низких звуков доносятся нежные высокие, словно кто-то звонит молоточками по стеклу или перезванивает в серебряные колокольцы... Это разъеденные дневным солнцем льдины распадаются на длинные сосульки. Как хрустальные подвески, разбиваются об пол...

Завороженные ребята слушают. Им кажется, что это звезды бьются о ледяные края и жалобно поют от холода и страха.

Светает. В утреннем свете лица ребят бледны. Они растеряны и не знают, что предпринять. Ясно, что вернуться в деревню на лодке невозможно. Петча морщит брови.

— Река встала, — говорит он, — лед уперся в берега, теперь до полдня не двинется, можно по льду бежать. Давайте варить утку, да собираться надо. Гринча, ступай за водой с котелком, мой картошку!

— А как же струг? Тятка побьет, — почти плачет Гринча.

— Со стругом простись! — возбужденно восклицает Санча. — На себе не потащим десять верст. После ледохода придем за ним.

— А сами говорили, что реку не поломают! Обманщики! Я тятке все расскажу...

— Ты сначала дойди до своего тятки, а потом

рассказывай!

Гринча, всхлипывая, бредет к реке. Всплывший лед уперся в берега, надо итти по льду и черпать из трещины. Он в нерешительности стоит у полуторааршинной зеленой льдины, вдавшейся в берег.

— Да ты из щели бери, лезь на льдину, не бойся! — кричит Петча. — Пройди подальше, а то у края вода мутная!

Гринча ползет к краю и, лежа на животе, черпает котелком.

Полкан крадется за ним и испуганно косится на бегущую темную массу.

Санча, не утерпев, до завтрака убегает на озера. Петча, как солидный человек, остается около имущества, Сознавая ответственность за последствия необдуманного предприятия.

— Ну, Гринча, — говорит он, — как думаешь теперь быть? Без струга теперь добираться надо!

— Тятка бить будет...

— Ты брось про битье, до битья далеко итти!

— Я по льду не пойду, боюсь! Как начнет опять ломать!

— Мы на берег сбежим!

На озерах раздается выстрел, вскоре другой. Появляется Санча, обвешанный утками.

— Для чего ты их зря загубил? — встречает его Петча, — на себе не понесешь!